

4. Степин В. С. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / В. С. Степин Г. Бехманн // Вопросы философии. – 2010. – №7. – С. 165–167.
5. Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 3–17.

РЕЗЮМЕ

Я. В. Пушкарь. Тенденции развития социальных систем: синергетический аспект.

В статье рассматриваются основные тенденции общественного развития через призму синергетической парадигмы. Системно анализируются изменения в обществе, используя методологические возможности синергетики. Обосновывает необходимость изучения истории общества в ретроспективном и перспективном плане с помощью основных идей теории самоорганизации.

Ключевые слова: информационное общество, аттрактор, точка бифуркации, суперотбор.

SUMMARY

Ya. V. Pushkar. Trends in the Development of Social Systems: a Synergetic Aspect.

The author examines the main trends of social development through the prism of synergetic paradigm. System analyzes changes in society, using the methodological possibilities of synergy. Justifies the need to study the history of society in a retrospective and prospective terms with the basic ideas of self-organization theory.

Keywords: Information Society, attractor, bifurcation point, superselection.

ФІЛОСОФІЯ ЛЮДСЬКОГО БУТТЯ ТА КУЛЬТУРИ

УДК 111:572

В. А. Косяк

Сумской государственный педагогический
университет им. А. С. Макаренка

К ОНТОЛОГИИ ПОЗИТИВНОЙ СИЛЫ

Чем сильнее, интенсивнее, целеустремленнее живет человек, тем заметнее становится его существование.

Ст. Цвейг

В статье отдается должное высоким достоинствам носителей позитивной силы (отличающихся личностной мощью, трансгрессивностью,

пассионарностью) в сопоставлении с жизненными установками и качествами людей "слабых". Аргументируется, что увековечивает энергия, воплощенная в деяниях, требующих от человека силы и цельности.

Ключевые слова: личностная сила (мощь), деяния, «высший тип», «низкий тип», сильные, слабые, преформация.

Мы воспринимаем силу прежде всего такой, какой она являет нам себя в нашем повседневном бытии в позитивных проявлениях. Это, например, сила суждения, интеллекта, характера; сила противостояния неправде, профессиональному примитивизму. Это также сила физическая, которой издавна наделялись фольклорные персонажи, будь то древнегреческие герои, богатыри русских былин или доблестные рыцари Средневековья. Гимн красоте и благородству такой силы спел Гомер в «Илиаде». Неувядаемый интерес к мифу о подвигах Геракла тоже свидетельствует о том, что физическая сила в человеке ценится высоко и вызывает уважение. И в настоящее время общество поклоняется телесной силе человека, если она находится в соответствии с кодексом чести.

Проблемой исследования видятся перипетии бинарной оппозиционности «сильных» и «слабых», противостояние высоких ценностей и задач первых и ressentiment вторых; целью – показать в ницшевском философском ракурсе аристократизм личностной силы (мощи), ее созидательный, творческий потенциал, ее всегдашнюю актуальность и востребованность.

Сильный человек – «сверхчеловек» был излюбленной темой Ф. Ницше. В поэме «Так говорил Заратустра» он возвеличивает сверхчеловека до смысла Земли. Философ-лирик празднует сильного человека, и как бы вторит словом библейской книги «Откровение» Иоанна Богослова: «Побеждающему (сильному – В. К.) дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия» (Откровение 2:7); «Побеждающий не потерпит вреда от второй смерти» (Откровение 2:11); «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откровение 2:17); «Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками» (Откровение 2:26); «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое» (Откровение 3:12); «Побеждающему дам сесть со мной на престоле Моём, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престоле Его» (Откровение 3:21).

Ф. Ницше славит сильного человека и памфлетно говорит о слабом. Слабый (раб) недоброжелательно смотрит на добродетели сильного, так как для него имеют значимость качества, облегчающие жизнь таких, как он – страждущих. Это сострадание, сердечная теплота, прилежание, кротость, дружелюбие, они дают возможность слабым выносить тяготы существования. (Это не качества сильных – «смеющихся львов»). Это полезные для рабов качества. В морали рабов злое – все мощное, сильное, а значит, опасное для

них. И не от сильнейших идет пагуба на сильных, а от слабейших с их поверженностью, надломленностью, самопрезрением, мстительными чувствами. Слабейшими, пишет Ф. Ницше в «Генеалогии морали», «плетется сеть злокачественного заговора страждущих против удачливых и торжествующих, здесь ненавистен самый вид торжествующего» [5, 443]. (Так же в древности ненавистны были киникам аристократы, занимавшиеся спортом). Однако в «Воле к власти» Ф. Ницше дает иные интерпретации «сильных» и «слабых». Мы склонны думать, что, пребывая в процессе социализации все более в поле своей деятельности (культуры), человек постепенно и все более поднимается от «низшего» (слабого) к «высшему» (сильному) культурному типу. Можно также допустить, что наибольшая сила и полнота внутренних жизненных состояний в их интенсивности и всесторонности физических и духовных проявлений присущи сильно «поднявшемуся», культурному человеку. Однако эта «наибольшая сила» не гарантирует культурному, «высшему типу» жизненной прочности. Совершенный тип, «высший тип», оказывается неоднозначно наиболее жизнестойким типом. Форма его богата и сложна, но материя его в своей тонкой организации хрупка. Эту мысль защищал М. Шелер в «Этике». Ее лаконично сформулировал Н. Гартман: «Высшие категории бытия и ценности – изначально более слабые», по мере восхождения к ним возрастает смысл и дух – и убывает сила [8, 72]. «Низшее, – пишет М. Шелер, – изначально является мощным, высшее – бессильным. Каждая более высокая форма бытия бессильна относительно более низшей и осуществляется не собственными силами, а силами низшей формы» [8, 72]. Того же мнения и Н. Бердяев: «То, что является наиболее сильным по своей неотлагательности и необходимости, совсем не является от этого наиболее ценным. То же, что стоит выше всего в иерархии ценностей, совсем не является наиболее сильным. Можно было бы сказать, что наиболее сильной в нашем мире является грубая материя, но она же и наименее ценна» [1, 149].

«Высший тип» развивается редко, но именно ему, подобно «Чайке по имени Джонатан Ливингстон» из одноименной повести Ричарда Баха, дано «ощутить небеса как достигнутое совершенство полета» (полет они любят больше всего на свете), дано понять, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в Стае, что крылья могут дать много «больше, чем долететь до рыболовного судна и схватить корку хлеба». Более высокие человеческие типы – это счастливые случаи развития, они чаще погибают при смене благоприятных и неблагоприятных условий. «Коротко существование красоты, гения, Цезаря. Такие вещи не передаются по наследству». Они – следствие какого-нибудь особого фатума или «злой воли природы». Более устойчив «низкий тип» («Стая, которая не знает радости полета»). В термине «низкий тип» (реальный тип) мы не усматриваем уничижения, так как понятие «высший тип» является чисто теоретической идеализацией. «Низкий» тип, говоря словами Ф. Ницше, не есть крайнее выражение, он не есть «счастливый

случай». Он хорошо передается по наследству – ему помогает плодовитость [4, 329].

С точки зрения сильных, пишет Ф. Ницше в «По ту сторону добра и зла», понятие «хороший» – это возвышенное, гордое состояние души, противоположное трусости, малодушию, мелочности, заботе об узкой пользе, самоуничтожению, лживости – всему, что присуще слабому простому люду. Благородные в Древней Греции говорили о себе: «Мы правдивые». Люди сильные и знатные по праву считали себя мерилom ценностей и создателями ценностей, ибо в них было «чувство мощи, бьющей через край», счастье высокого напряжения, сознание богатства, готового дарить и радовать. Сильный (знатный) помогает несчастному, но делает это скорее не из сострадания, а от избытка мощи. Сильный (знатный) чтит в себе также человека, который властвует над самим собой, бывает строг и суров по отношению к самому себе и поклоняется всему строгому и суровому. Вера в самого себя, гордость самим собою, ирония по отношению к «бескорыстию» также относится к морали сильных (знатных), как и легкое презрение по отношению к сочувствию и «сердечной теплоте». Носители же *resentiment* бродят среди нас как воплощенные упреки, будто бы здоровье, удачливость, сила, гордость, чувство власти являются изначально порочными и за которые придется расплачиваться. И они готовы к тому, чтобы призвать к расплате и быть палачами, вдохновленными «справедливостью». Эти больные жаждут тирании над здоровыми и изобретают для этого окольные пути, ведомые вождением власти. На всех уровнях социума слабые, больные борются против сильных, здоровых. Борьба эта подспудная, иногда с фарисейством громких жестов, каковым больные (слабые) разыгрывают «благородное негодование». Они как «вздрагивающий пласт подземной мести», извергаемый против счастливых, дабы укорились последние своим счастьем (своей силой, своей красотой – В. К.). «Более губительного недоразумения нельзя было бы и придумать, доведись счастливым, удачливым, сильным телом и душою усомниться в своем праве на счастье». Здоровым (сильным) нужно остерегаться смешивать себя с больными (слабыми). У них есть иные задачи, нежели быть санитарями и врачами. Высшие не должны деградировать до уровня низших. Они одни суть гаранты будущего. То, что в их силах и обязанностях, того никогда не осилить и не взять на себя больным (слабым). Но чтобы осилить то, к чему только они и обязаны, зачем быть им «спасителями» больных? [5, 494–495].

Сильная личность была предметом ожиданий Ф. Ницше, ставившего себе задачей подвигнуть человечество к возвышению к великой и мощной жизни. Как средство на этом мужественном и благородном пути – поддерживать все, что накапливает силы, все, «что оправдывает чувство силы», приветствовать высокие коннотации относительно гордости, смелости, уверенности в себе, счастья и иных «сильных чувств удовольствия», ибо о временах судят по их позитивным силам. Последним великим примером такого времени Ницше называл эпоху итальянского Возрождения. Именно в эту эпоху с невиданной до

того силой развивается воля к власти, к отличию, к славе, к известности. Очень показательным в этом отношении в начале Возрождения было отсутствие общей для всех моды на мужское платье, поскольку каждый хотел одеваться на свой манер. Индивид желал удивлять, представлять себя лучше и значительнее, чем это было возможно в привычных формах. Он желал быть отличным от всех (что есть провозвестием дендизма XIX века – В. К.), он полон честолюбия, он безоглядно самоутверждается, подчеркивая свою исключительность [3, 193]. Он полон жизненных сил, ищет возможности обучения и развития, чтобы реализовать свой потенциал. Он хочет быть самим собой во всем, полностью соответствовать своему «Я» и не ограничивать свободу его проявления. Он ищет значимости и мощи своих жизненных деяний, их цельности и сосредоточенности, ибо только они дают ощущение самодостаточности и самооценности и награждают признанием и бессмертием. Он понимает красоту цельности – сосредоточенности на своем «Я» – в единстве мыслей, миропонимания, пластики и одежды. Мы же «с нашей боязливой заботливостью о себе... – накапливающие, расчетливые, машиноподобные» – представляем собой слабое время [5, 613], приметами которого является измелчение, беспокойство, торопливость, суэта, которые возрастают; слабеют желания, ощущения радости и неудовольствия. В «Воле к власти» Ф. Ницше имел мужество сказать (для «эксклюзивных людей»), что в европейской культуре «оклеветаны самые могущественные инстинкты жизни». Везде ослабление как результат христианского смирения. Ослабление как стыд перед всем естественным. Слабые, оскудевшие жизнью (витальностью), еще более обедняют жизнь. Они, «замкнутые одинокие монады» (И. А. Ильин), не имеют интеллектуальной силы, чтобы подняться до осознания закономерностей целого – общества и государства, в которых они живут, – величин трансцендентных их монадному имманентному сознанию. То, что они подмечают как закономерности, на поверку оказывается слабыми и неверными проекциями целого в их сознании.

Только сильные – гении и пророки, – читаем у В. Шмакова, – могут верно постичь трансцендентную закономерность истории. Они – исполнители вложенной в них миссии, которая мистически перерождает все их существо. Их одаренность состоит в умении уловить нисходящие влияния высших реальностей. Обладая высшей интуицией, они отождествляют свою субъективность с конкретными тяготениями эгрегора (совокупности сознаний членов общества), задают всей массе общее волевое напряжение (эгрегор воли) и становятся их реализаторами в феноменальной жизни, «сковывая пестрое собрание людей в единую мощную Силу» [9, 293].

И для признания, известности, социального бессмертия решающее значение имеет личностная мощь человека. Увековечивает энергия, воплощенная в деяниях, и чем сильнее, интенсивнее, целеустремленнее живет человек, тем заметнее становится его существование. Деяния являются мерилom личностной мощи человека, они требуют от него силы и цельности [7, 85]. И Тантра учит, что блаженство возможно лишь в том случае,

когда ты живешь по максимуму, живешь интенсивно. Тогда обретаемое блаженство превращается в ощущение возрастания витальной энергии, дающее переживание полноты активности сущностных сил человека и полноты самого бытия.

Сильная, интенсивная жизнь по максимуму была предметом ожиданий Ф. Ницше – носителя «нравственной силы первого ранга» (Петер Гаст). Ф. Ницше мечтал о возрождении сильных и благородных страстей, о сильных людях, способных обогатить жизнь, ставящих перед собой высокие цели. («Если хотите возвысить свою жизнь, – учил Шри Чинмой, – возвысьте сначала свою цель»). Поэтому, пишет Ф. Ницше в «Воле к власти», воспитание должно быть не укрощением, а культивированием силы человечества; целью воспитания должен быть сильный человек, прошедший строгую выучку. Здесь Ф. Ницше выступает предтечей современной общемировой этической и правовой парадигмы приоритета личности, в основе которой – личностно ориентированное образование, обучение, воспитание – самостроительство, самосозидание. Последнему много способствует спорт, «средство, заставляющее нацию быть в форме» (О. Шпенглер), дисциплинирующее тело, разум, эмоции, волю человека.

Масштабной, сильной личности присущи трансгрессивность и пассионарность. Таким был сам Ф. Ницше. «Людям порядка, – писал о нем Ст. Цвейг, – он был неудобен как загадочный человек, не подходящий ни под какие категории, как смесь философа, филолога, революционера, художника, литератора, музыканта, и с первого же шага люди различных специальностей возненавидели его как нарушителя границ. Как природа в мятеже против своего постоянства прибегает к циклонам и вихрям, дабы излить избыток сил, так и дух демонической сильной личности нуждается время от времени, чтобы избыток мощи своей она обратила против монотонности морали и монотонности мысли; и, разрушая, она разрушает себя» [7, 190]. Эти строки лапидарно характеризуют Ф. Ницше, который в годы душевного здоровья был мягким в личной жизни, застенчивым человеком, создавшим тем не менее систему представлений, которая спустя десятилетия была превращена в основу варварского нацистского мировоззрения.

Сильные, трансгрессивные, пассионарные личности имеют широкий круг интересов, увлечений, профессионально занимаются несколькими делами. И все они, славившиеся своей эрудицией, блистательные профессионалы, были больше, богаче, одареннее того дела, которым занимались по должности.

Масштабным и сильным, как и всем иным, может порой недоставать терпимости и доброты. Но попробуем отыскать в истории цивилизации кротких выдающихся государственных деятелей, политиков, военачальников, директоров предприятий, успешных предпринимателей, артистов, спортсменов. Все они агрессивны в своих делах. Среди кротких – ни на что не годные гоголевский писарь Башмачник из повести «Шинель», да князь Мышкин из романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Увековечивают же личностная мощь, энергия, воплощенная в деяниях. Бессмертие не знает нравственности и

безнравственности. Оно как бы по ту сторону добра и зла. Мерилом личностей мощи являются деяния. Эти деяния требуют от человека не нравственной чистоты, а силы и цельности. Мораль здесь – ничто, интенсивность – все. Интенсивность сильнейших является двигателем прогресса, мало озабоченного как «счастьем среднего человека», так и «совершенствованием нравственности», ибо прогресс стихийен как сама природа, не знающая гуманности и справедливости, и награждающая нас лишь в соответствии с нашими усилиями. «Ни одна нация, – замечает Д. Донцов, – не получает в подарок урожай от «справедливой» природы, если она не сеяла, ни одна не получает независимости, если не хочет и не может ее постичь, если не имеет чутья и силы здоровых рас, которые хотят господствовать над людьми, землей, воздухом и морями, служа себе и человеческому прогрессу» [2, 384].

Личностной мощью отличались Юлий Цезарь, Иисус Христос, в его «ярости вдохновенного поучительства», Петр I, Екатерина II, Наполеон, неистовые Никколо Паганини и Винсент Ван Гог, неутомимые Гете и Верди и др. Природной интеллектуальной силой отличаются все гении.

К выдающимся (масштабным, сильным) людям невозможно подходить с обывательскими мерками («что не положено быку, то положено Юпитеру», «Кому многое дано, тому многое и позволено»). Не укладывается в обыденное сознание и частная жизнь выдающихся людей. Они, Эдит Пиаф, С. Бернар, Р. Нуриев, Ф. Шаляпин и др., как бы недостижимы для пересудов. Они же, сильные, масштабные, самодостаточные, не принадлежат к определенному кругу, лагерю – это удел бездарностей, которые только и мыслят себе в совокупности, если хотят обратить на себя внимание. Таковы, замечает Х. Ортега-и-Гассет, избранные – те, кто требует от себя много, даже непосильного, кто взваливает на себя тяготы и обстоятельства. Подобных людей ждал Ф. Ницше: высших, более сильных, победоносных, более веселых, таких, у которых прямоугольно построены тело и душа, «смеющихся львов», которые выше «счастья большинства» с его маленькими добродетелями, маленьким благоразумием, боязливой осторожностью, жалким довольством [4, 204–207].

Сильные «любят жизнь больше смысла ее» (В. А. Кутырев), и она служит им материалом для творчества их воли, для удовлетворения потребностей высших порядков. Именно сильные могут возвышать обыденную культуру и красоту повседневности. Для этого нужно начать с новых, не христианских, а, возможно, неоязыческих или неогедонистических предпосылок. Например, с того, что красота – радостная и гордая – необходима и биологически целесообразна, что радость познания может быть самоцелью, что наиболее полное удовлетворение человека своей жизнью, его счастье коренятся в глубине и цельности внутренней жизни личности, способной вместе с тем к развлечению, игре, наслаждению, к тому, что Х. Ортега-и-Гассет называл спортивно-праздничным чувством жизни, при котором щедрой рукой раздается спонтанная сила, и что обретает статус спортивно-игрового качества жизни. Ибо само по себе спортивное усилие всегда возвышенно,

благородно, пусть и не экономно, но только с помощью спортивной увлеченности можно подняться на высоту создания произведений подлинной ценности, будь то «научное и художественное творчество или политический и нравственный героизм». «Игровая жизнь придает всем своим усилиям присущий спорту радостный, непринужденный и отчасти вызывающий облик» [6], что наблюдаются и в присущем сегодняшнему Западу консьюмеризме – потребительской игре, содержанием которой является удовлетворение страсти к новым, доселе не испытанным ощущениям, «наслаждению усилием».

Антиподом силы выступает слабость, которая во все времена, если и не порицалась явно, то вызывала к ее носителям унижающее сочувствие. Сохранившиеся вавилонские надписи говорят, что там не знали слова более оскорбительного, чем "слабый". В основе нелюбви к слабым по-видимому, лежит инстинктивная биологическая неприязнь телесно полноценных к телесно неполноценным, которая особенно сильно проявляется у животных, но которую можно обнаружить и в высокоразвитых цивилизациях.

Слабых производит социальная преформация, предзадающая сформированность зародыша ментальных структур, из которого развиваются конформистские, удобные обществу люди, погруженные в стандартный универсум потребностей, адекватный их перформативному сознанию, которое корректируется госэлитой. Такая «реализация себя» не востребовывает всей природы человека, не обращает его к духовному миру, не побуждает к трансцендированию. Попав в плен «действительного разумного», он комфортно плывет по течению, заглушив в себе истинные жизненные импульсы, лишив себя уникальности своей судьбы, опустошив себя автоматизмом стихии бессознательно-массового. Он опутан псевдо-бытием, которое по форме вроде бы подлинное, но по сути – нет. Вместо подлинного – кажимости, симулякры; и чем искуснее эта подмена, тем плодотворнее ложное бытие «в современную эру тотальной симуляции» (Ж. Бодрийяр). Подлинным представляется массовому человеку преформированный мир стандартных потребностей, материализуемый в предметах, навязываемых ему рекламой. Предметная среда, развлечения, информационная индустрия несут в себе предписываемые отношения, привычки и соответствующие интеллектуальные и эмоциональные реакции (Г. Маркузе), обеспечивающие душевное равновесие. Так реализуется тайное желание власти иметь лояльное население, состоящее из «нормальных» и «хороших», которое вело бы себя так, как хочет власть.

Размах и эффективность «демократической интродукции правителей в своих подданных» (Г. Маркузе) бывают так велики, сильны и искусны, что подданные не ощущают своей несвободы, заангажированности. Умело манипулируемые, они пребывают в уютном статусе комфортных конформистов и не хотят никакого освобождения. И не бывает у них, «прирученных», «потерявших инстинктивную жизненную силу» (К. Лоренц) цивилизованных людей «к бунту как делу физической и духовной гигиены». Отсюда рукой подать до деперсонализации (о которой говорит Э. Мунье в «Манифесте

персоналізму»), проявляющоюся в утраті личностних основ, безразличии, ведучих людину до нивелювання внаслідок упадку енергії, самоуспокоєності в русі по колу. Дегерсонізація – антипод самої життя, вона гасить пориви, виробляє скопище «клонів», позбавляє соціальну і духовну життя максимуму напруженості.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Человек и машина / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 143–163.
2. Донцов Д. Націоналізм // Д. Донцов // Твори, Д. Донцов. – Львів : Кальварія, 2001. – Т. 1 : Геополітичні та ідеологічні праці. – С. 243–425.
3. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – Т. 2. – 607 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М. : REFL-BOOK, 1994. – 352 с.
5. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше ; сост. ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 832 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы / Х. Ортега-и-Гассет // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С. 202–206.
7. Цвейг Ст. Казанова, Фридрих Ницше, Зигмунд Фрейд / Ст. Цвейг. – М. : Интерпракс, 1990. – 256 с.
8. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С. 31–95.
9. Шмаков В. Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств / В. Шмаков. – К. : София, Ltd, 1994. – 320 с.

РЕЗЮМЕ

В. А. Косяк. До онтології позитивної сили.

У статті віддається належне високим достоїнствам носіїв позитивної сили (що відрізняються особистісною міццю, трансгресивністю, пасіонарністю) в зіставленні з життєвими настановами та якостями людей «слабких». Аргументується, що увічне енергія, втілена в діях, які потребують від людини сили і цілості.

Ключові слова: особистісна сила (міць), дія, «вищий тип», «нижчий тип», сильні, слабкі, преформація.

SUMMARY

V. A. Kosyak. To Ontology of Positive Force.

In the article a due is given to high dignities of the positive force transmitters (which differ by personality power, transgressiveness, passionarity) in comparison with vital options and «weak» people qualities. It is stated that energy, incarnated in actions, requiring force and integrity from a person, immortalizes.

Key words: personality force (power), actions, «higher kind», «low kind», strong, weak, preformation.